

О КРИТЕРИИ ОПТИМАЛЬНОСТИ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНА

Ю. В. СУХОТИН

(Москва)

В настоящее время методы оптимального планирования практически применяются для решения частных (локальных) экономических задач, имеющих дело с ограниченными участками народного хозяйства или с отдельными сторонами хозяйственной деятельности (перевозки, снабжение, те или иные производственные операции и т. д.). Переход к оптимальному планированию народного хозяйства в целом ставит много чрезвычайно сложных проблем. Обычно перечисляют трудности организационного, вычислительного и технического характера — необходимость сбора и переработки колоссальных объемов высококачественной первичной информации, огромная размерность математических моделей, недостаточная мощность современной вычислительной техники и т. п. Между тем задача на оптимум народнохозяйственного плана имеет и ряд принципиальных экономических особенностей, отличающих ее от содержания и способов формулирования локальных задач. Эти особенности относятся прежде всего к экономическому смыслу целевой функции и к определению круга величин, выступающих в качестве ограничений экстремальной планово-хозяйственной задачи.

Выбор критерия оптимальности локальных задач зачастую не представляет особых трудностей. Он «подсказывается обстановкой» ввиду специализированности соответствующих участков хозяйства, малого числа выполняемых ими функций; объект максимизации или минимизации самочевиден, например, когда составление оптимального плана имеет целью устранение «узких мест». Но именно поэтому никакой локальный критерий, — будь то минимум транспортной работы, расхода топлива или максимум выпуска того или иного вида продукции, — не годится в качестве целевой установки народнохозяйственного плана, которой должна быть подчинена организация работы всех отраслей и участков экономики. Народнохозяйственный критерий оптимальности должен с наибольшей возможной полнотой синтезировать все разнообразие экономических и социальных целей, стоящих перед обществом в конкретной исторической обстановке.

Ограничения на ресурсы в локальных задачах обладают определенной эластичностью. Так, можно составить новый вариант оптимального плана с лучшим значением критериального показателя, если представится возможность привлечения дополнительных ресурсов в данный участок хозяйства; либо, наоборот, избрать оптимальный вариант с несколько худшим значением целевой функции, но передать часть наличных ресурсов в другие участки производства, где эти ресурсы, по всей вероятности, смогут найти применение.

С увеличением масштабов и сложности участка производства (от цеха к предприятию и отрасли, от специализированного производства — к мно-

гономенклатурному и т. п.) трудность определения критериального экономического показателя и ограничений возрастает. Но одновременно усиливается и потребность в оптимальных решениях, ибо быстро растут число возможных вариантов *, а также различия между «крайними» вариантами решения одной и той же экономической задачи. Следовательно, увеличиваются масштабы потерь при отклонениях от оптимума или выигрыша от приближения к нему.

Всякое производство представляет собой продуктивное использование наличных ресурсов. Итогом хозяйственной деятельности, всегда зависящим от принятого плана, является тот или иной объем и ассортимент продукции, та или иная величина затрат по ее производству. Характерной особенностью локальных задач является то, что в них в качестве заранее заданных величин (ограничений) фигурируют не только наличные ресурсы, но и значительная часть (иногда подавляющее большинство) итогов хозяйствования. Возможны, например, задачи на минимальный расход какого-либо одного вида материалов, а все остальные итоги: объем и ассортимент продукции, расход всех остальных ресурсов, кроме данного, общий уровень затрат в ценностном выражении и т. д.— фиксируются как ограничения. В то же время оптимальное решение локальной задачи может быть получено в нескольких вариантах, соответствующих различным уровням привлечения ресурсов в данный участок производства.

Но объяснение того, почему эти ограничения на итоги и ресурсы приняты именно такими и нужен ли вообще данный участок производства с его оптимальной или неоптимальной работой, лежит «вне компетенции» локальной задачи. Любая частная задача на оптимум необходимо предполагает существование *внешнего плана*, обосновывающего ее ограничения. Ясно, что значения ограничений должны быть не какими попало, а по возможности наилучшими для экономики в целом.

Точно так же и выбор критериев оптимальности частных задач не может быть независимым от целевых установок народнохозяйственного плана: вряд ли уместны, например, задачи на максимум выпуска таких видов продукции, общественная потребность в которых сокращается благодаря внедрению более эффективных заменителей. Следовательно, оптимальный народнохозяйственный план является естественной основой всех локальных задач на оптимум, будучи для них наилучшим из возможных внешних планов.

Но для самого народнохозяйственного плана, вообще говоря, не существует никакого «внешнего плана». План не может быть в полном смысле слова народнохозяйственным, если в нем заданы в виде ограничений те или иные итоги хозяйственной деятельности, но не показано, почему они приняты именно такими и не будет ли лучше для общества, если они примут какие-либо другие из возможных значений. С другой стороны, экономика в целом может использовать в производстве лишь такое количество ресурсов, которым она располагает в данный момент, в отличие от ограниченного участка хозяйства, которому могут быть переданы дополнительные ресурсы, изъятые из других участков. В то же время народное хозяйство как целое не имеет и возможности куда-либо «передать» неиспользуемые ресурсы, а потому план должен обеспечивать их полное использование **.

* Если допустить, что план каждого предприятия может быть составлен всего лишь в двух вариантах, то количество возможных вариантов плана народного хозяйства СССР выразится числом порядка 2^{200000} , далеко превосходящим общее количество атомов в пределах видимой Вселенной.

** Кроме тех случаев, когда высвобождение ресурсов само по себе представляет социальное благо, как, например, сокращение рабочего дня.

Таким образом, для народнохозяйственной задачи на оптимум ограничения на ресурсы объективно заданы самой экономической действительностью, а все итоги хозяйственной деятельности, величина и комбинация которых всегда возможны в разных вариантах, должны в той или иной форме найти отражение в целевой функции, т. е. быть не заданными, а искомыми величинами.

Указанные особенности проблемы народнохозяйственного планирования предъявляют весьма суровые требования к содержанию критерия оптимальности. Накопленный в настоящее время опыт разработки теоретических моделей народнохозяйственного плана (из которых наиболее известны модели Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова) свидетельствует о том, что недостаточная полнота экономического содержания целевой функции народнохозяйственной задачи вынуждает фиксировать те или иные итоги хозяйственной деятельности в качестве ограничений, т. е. вводить предположение внешнего плана. Это, естественно, создает неуверенность в народнохозяйственной ценности оптимальных решений, ибо последняя ставится в зависимость от того, удачным или неудачным окажется намеченный априори внешний план.

Так, например, критерий минимума затрат труда в материальном производстве необходимо предполагает полную тождественность хозяйственных результатов во всех изучаемых вариантах плана, другими словами, опирается на предпосылку извне заданной неизменной программы выпуска всех видов продукции.

Помимо неясности относительно того, каким образом должна «задаваться» эта программа, предположение ее одинаковости для всех плановых вариантов не отвечает важнейшей цели социалистического планирования — обеспечению максимума результатов производства, если только (что почти невероятно) она уже «с самого начала» не является максимальной по результатам*.

Последний недостаток до некоторой степени преодолевается, если в качестве критерия оптимальности народнохозяйственного плана принять максимум объема конечной продукции в заданном ассортименте, или как иногда говорят, максимум «ассортиментных наборов» или «комплектов» конечной продукции.

Постановка задачи на максимум продукции при данных ресурсах более прямо отражает цель социалистического планирования, чем формулирование задачи на минимум затрат при фиксированной программе выпуска. В то время как в последней до начала корректировки плана результат производства заведомо не является максимальным, нахождение плана, максимального по результатам, непосредственно обеспечило бы и минимум затрат. В самом деле, такой план не может быть выполнен при меньших затратах, ибо, если бы это было возможно, то разница затрат могла бы быть использована для увеличения результатов, что противоречит определению данного плана как максимального по результатам.

Однако критерий «максимума комплектов» не устраняет ограничений, субъективно налагаемых на итоги производства (в отличие от объективных ограничений на ресурсы). Только вместо объемов здесь извне фиксируются соотношения выпуска, структура продукции. «Максимум комплек-

* Мы не рассматриваем здесь модификаций этой модели, так как хотя предложенные в литературе способы ее улучшения и позволяют в конечном счете снять предположения неизменности программы, но они не преодолевают предпосылку внешнего плана, ибо не раскрывают принципов формирования оптимальной структуры производственной программы.

тов» означает, что выпуск любого вида продукции в оптимальном плане больше, чем в любом другом возможном плане с тем же самым ассортиментом. Но максимум объема продукции в некотором заданном ассортименте не тождествен понятию максимума результатов социалистического производства. При данной величине производственных ресурсов всегда возможно чрезвычайно много различных вариантов структуры конечной продукции, в совершенно неодинаковой степени обеспечивающих удовлетворение потребностей общества. Поэтому максимум результатов означает не просто наибольший объем продукции при каком угодно ассортименте, но максимальный объем при наилучшем из возможных ассортиментов продукции. Следовательно, составление оптимального народнохозяйственного плана должно необходимо включать в себя поиск наилучшей структуры конечной продукции, а не исходить из уже сформированного (неизвестно каким образом) ассортимента.

Кроме того, процесс максимизации объема продукции должен проводиться не в неизменном, а в изменяющемся ассортименте, поскольку объективно существует закономерность изменения структуры общественных потребностей по мере роста производственных возможностей общества. Достаточно сослаться на такие общеизвестные ее проявления, как повышение в структуре питания удельного веса высокоценных продуктов (мясо, сахар, фрукты и др.) при понижении доли «рядовых» (хлеб, картофель и т. п.); как более быстрый рост потребления непродовольственных продуктов (особенно предметов длительного пользования, культурного назначения и комфорта), чем продуктов питания; как, наконец, возможность расходовать меньшую долю годовой продукции на нужды текущего потребления и больше накапливать (еще Маркс отмечал, что развитое общество может накапливать все большую долю своего продукта без ущерба для потребления).

В настоящее время становится все более очевидным, что именно проблема оптимального ассортимента является той задачей, от решения которой зависит построение (хотя бы в принципе) целостной теории оптимального народнохозяйственного планирования. Вкладом в ее разработку в указанном направлении являются выполненные в последние годы исследования В. С. Немчинова, А. А. Конюса, В. А. Волконского, В. Ф. Пугачева и других советских экономистов и математиков.

В состав конечной продукции, непосредственно удовлетворяющей потребности общества, входят функционально различные компоненты: предметы личного потребления, средства накопления, продукты для нужд общесоциального потребления (просвещение, здравоохранение, оборона и т. д.). Поэтому проблему поиска оптимального ассортимента целесообразно рассмотреть применительно к какому-либо функционально однородному компоненту, например к предметам личного потребления, и уже затем затронуть вопросы оптимизации структуры всей конечной продукции.

Оптимизация ассортимента, как и решение любой задачи на оптимум, естественно, должна представлять собой поиск экстремума какой-то переменной величины. Но какая экономическая величина может быть избрана для оценки качества возможных ассортиментов? И допустимо ли вообще говорить о какой-либо «общей оценке качества» применительно к таким сложным агрегатам, как конечная продукция, в которую входят продукты удовлетворяющие самым разнообразным потребностям населения и общества в целом? Не следует спешить с отрицательным ответом на этот вопрос. Достаточно напомнить о таких общепотребительных экономических категориях, как уровень жизни (благополучия) населения, экономическая мощь, экономический потенциал и т. п. С одной стороны, они обла-

дают ярко выраженной количественной оформленностью (и употребляются не иначе как в сочетании с понятиями «высокий — низкий», «увеличение — уменьшение» и т. п.), т. е. представляют собой экономические величины. С другой, в них содержится несомненная оценка качества результатов производства, позволяющая судить об эффективности или неэффективности данной экономической системы, об успешности или неуспешности той или иной хозяйственной программы.

Реальность объектов, обобщаемых такими понятиями, как «уровень жизни» и др., не подлежит никакому сомнению. Но ввиду пестроты качественного состава тех совокупностей, к которым они относятся (например, набор разнообразнейших предметов потребления, поступающих населению), весьма трудно выразить их количественную определенность в виде числа. Однако, как показали специальные исследования, для построения оптимального плана вовсе не обязательно «исчислять величину», например, уровня благосостояния в каких-нибудь «единицах». Достаточно иметь возможность устанавливать отношения равенства или неравенства различных структур продукции с точки зрения степени удовлетворения общественных потребностей. Таким образом, в качестве критерия оптимальности ассортимента продукции личного потребления можно принять уровень благосостояния или уровень жизни населения.

Мы уже упоминали о закономерности изменения структуры общественных потребностей по мере увеличения производственных возможностей общества. Это значит, что каждому данному уровню таких возможностей соответствует «своя» наилучшая (оптимальная) структура потребления, а все другие возможные структуры обеспечивают меньший уровень благосостояния. Что было бы, если, например, при низких возможностях производства продуктов питания попытаться воспроизвести структуру питания, свойственную высокому развитию, — понизить удельный вес «рядовых» продуктов питания и повысить долю высокоценных? Результат будет только один: мы получим слишком мало и высокоценных, и рядовых продуктов (ибо производство первых требует намного больших затрат, чем вторых), и общий уровень питания будет ниже, чем при структуре с преобладанием рядовых продуктов. Напротив, при высоких производственных возможностях было бы неразумно воспроизводить «низкоразвитую» структуру, ибо это означало бы гораздо более низкий уровень питания, чем достижимый в данных условиях.

Коль скоро не существует какого-то универсального наилучшего ассортимента, пригодного для любых уровней производства, то ясно, что проблема оптимизации ассортимента включает два неразрывно связанных между собой аспекта:

- 1) *производственный* — выяснение того, какие варианты ассортимента могут быть произведены при имеющихся ресурсах;
- 2) *потребительский* — выяснение того, в каком отношении находятся эти ассортименты к уровню благосостояния.

Рассмотрим производственный аспект. В задаче на максимум «комплектов» достигается выпуск каждого вида продукции, больший, чем в любом другом плане с тем же самым ассортиментом. Но и после этого остается возможность дальнейшего наращивания выпуска отдельных видов продукции (или их сочетаний, не охватывающих весь ассортимент). Однако, поскольку максимизация комплектов означает полную «загрузку» наличных производственных ресурсов, дальнейшее расширение производства намеченных продуктов возможно в этих условиях лишь за счет сокращения плана выпуска каких-нибудь других продуктов, т. е. путем частичной замены производства одних продуктов выпуском других. В этой частичной замене и состоит перестройка ассортимента, осуществляемая путем пере-

ключения части производственных ресурсов с выпуска «заменяемых» продуктов на производство «заменяющих»*.

Возможность проводить изменения ассортимента определяется фактом производственной взаимозаменяемости различных продуктов. Последняя наиболее очевидна для технологически однотипных продуктов, т. е. таких, при производстве которых требуются одни и те же виды ресурсов. Этим, к сожалению, нередко пользуются наши хозяйственники, нарушая плановый ассортимент. Для неоднотипных продуктов взаимозаменяемость реализовать значительно труднее по причине «неконвертируемости» специализированных ресурсов (так, наличные основные фонды, рабочую силу и материалы, скажем, швейной промышленности нельзя «непосредственно переклещать» на производство продуктов питания или бытовых приборов). В подобных случаях изменение структуры производства требует времени, перераспределения капиталовложений, переподготовки кадров и т. д. и связано с потерями, аналогичными потерям от морального износа.

Следовательно, в широком смысле слова производственная взаимозаменяемость продуктов является универсальным принципом, выражающим тот факт, что любая народнохозяйственная пропорция может быть практически изменена (с большей или меньшей затратой времени и средств).

Конкретные условия перестройки ассортимента определяют количественные соотношения — нормы замещения в производстве — между «заменяемыми» и «заменяющими» продуктами. Так, если, уменьшив на 50 единиц выпуск продукта *A*, можно с помощью высвобожденных ресурсов произвести дополнительно 100 единиц *B* (и наоборот), то $50 A = 100 B$ будет одним из способов выражения производственной нормы замещения между продуктами *A* и *B*.

С точки зрения производственных возможностей, нельзя указать «общественно необходимой» границы структурных перестроек. Например, если есть техническая возможность полного переключения производства с выпуска изделия *A* на изделие *B*, то отсюда еще не следует никаких выводов о целесообразности такого перехода (как, впрочем, и любого другого). Ответ на этот вопрос можно получить только из анализа потребительного аспекта проблемы оптимизации ассортимента.

Основу для рассуждений при рассмотрении потребительного аспекта может дать самоочевидное (хотя и упрощенное) соображение: уровень благосостояния повышается при увеличении выпуска (и потребления) любого продукта и понижается при его уменьшении. Нарастание выпуска всех продуктов в задаче максимизации комплектов означает, следовательно, безусловный рост благосостояния. Но, как отмечалось, эта модель не указывает способа нахождения наилучшего ассортимента. Поэтому она не гарантирует максимума благосостояния и почти наверняка нуждается в корректировке путем перестройки ассортимента. Последняя же обеспечивая увеличение программ выпуска одних продуктов за счет сокращения плана выпуска других, неизбежно порождает «конфликтную» ситуацию: прирост благосостояния от увеличения производства заменяющего продукта имеет своей оборотной стороной некоторое снижение благосостояния от сокращения выпуска заменяемого продукта. Естественно, что любая структурная перестройка, любой «акт замены» может иметь смысл лишь в том случае, когда прирост благосостояния от увеличения количества заменяю-

* В динамическом разрезе планирования, где, как правило, растет выпуск всех видов продукции, перестройка структуры производства выполняется посредством дифференциации темпов (повышение темпов роста одних видов продукции за счет понижения темпов других путем перераспределения капитальных вложений в условиях лимитированности общего фонда последних).

щего продукта превышает уменьшение благосостояния от сокращения производства заменяемого продукта.

Проиллюстрируем это, взяв в качестве примера продукты питания — хлеб и мясо. Решение задачи максимизации комплектов позволит довести до максимума производство обоих продуктов, но при определенном их соотношении. После этого можно улучшить структуру питания населения, т. е. повысить его благосостояние при тех же самых производственных ресурсах, если частично заменить потребление и производство хлеба мясом, как более ценным пищевым продуктом. Проводя эту замену путем переключения ресурсов (например путем использования зерна для откорма животных), мы получаем такие приращения высокоценного продукта, которые обеспечивают общее улучшение питания, несмотря на отрицательное влияние неизбежных потерь заменяемого продукта.

Но можно ли сделать отсюда вывод о целесообразности полной замены хлеба мясом? Отнюдь нет. Начиная с некоторого соотношения обоих продуктов, дальнейшие приращения количества мяса уже не смогут возместить потерь такого специфического по своим качествам и необходимого продукта, как хлеб. Продолжение замены поведет не к росту, а к снижению благосостояния. Как быть, если мы «переусердствовали» в замене хлеба мясом? Очевидно, здесь станет целесообразной обратная замена — мяса хлебом; теперь уже она будет повышать общий уровень благосостояния. Следовательно, существует такое соотношение между продуктами, которое обеспечивает максимальный уровень благосостояния. Поиск этого оптимального соотношения должен представлять собой последовательный пересмотр по возможности малых изменений ассортимента («актов замены»), чтобы не «проскочить» мимо оптимальной структуры.

На основе изложенного можно сформулировать важный признак оптимальности ассортимента: соотношение количеств данных продуктов оптимально, если возможные при этом акты замены (малые изменения ассортимента) в любом направлении не изменяют уровня благосостояния. Если бы они изменяли его, то можно было бы еще повысить благосостояние, проведя «прямую», либо «обратную» замену. Другими словами, приращения уровня благосостояния от увеличения количества каждого продукта при оптимальной структуре одинаковы (принцип равноценности приращений). В нашем примере, при оптимальном соотношении хлеба и мяса, небольшой сдвиг ассортимента в пользу мяса даст в точности такое же улучшение питания, как малый сдвиг в пользу хлеба. При этом повышение благосостояния от «добавки» заменяющего продукта в точности равно уменьшению благосостояния от убыли заменяемого продукта.

Признак оптимальности легко обобщить на любой многопродуктовый ассортимент: последний оптимален, если для любых двух продуктов из его состава выполнено условие равноценности приращений. Заметим, что с математической точки зрения все это является лишь перефразировкой общеизвестного принципа решения условно-экстремальных задач: экстремум функции достигается при условии равенства производных по всем ее аргументам.

Следует иметь в виду, что практическая возможность замены производства одного продукта выпуском другого в данной количественной порции определяется производственной нормой замещения, т. е. в конечном счете соотношением дифференциальных затрат общественного труда на производство каждого из продуктов *. Так, если можно вместо 50 A произвести дополнительно 100 B , то соотношение затрат на единицу B и A

* Дифференциальные затраты — приращение совокупных народнохозяйственных затрат, обусловленное приращением выпуска данного продукта.

составляет 1 : 2. Изучение целесообразности замены необходимо приводит к мысли об объективном существовании другого вида количественных отношений между заменяемыми и заменяющими продуктами — потребительных норм замещения или потребительных оценок.

Пусть установлено, что замена производства 50 *A* выпуском 100 *B* повышает уровень благосостояния. Это значит, что добавочные 100 *B* представляют для общества большую ценность (потребительную стоимость), чем утрачиваемые при замене 50 *A**. Можно отметить тогда, что продукт *B* является для общества относительно дефицитным, а продукт *A* — относительно избыточным. Потребительная оценка дефицитного продукта выше его производственной нормы замещения, а избыточного ниже: если замена 50 *A* на 100 *B* повышает благосостояние, то замена 100 *B* на 50 *A*, очевидно, понижает его.

Несовпадение производственных и потребительных оценок свидетельствует о необходимости изменить ассортимент: в нашем примере уменьшить выпуск *A* и увеличить *B*. Естественно проводить это изменение таким образом, чтобы прежде всего использовать самые экономичные способы переключения ресурсов с выпуска *A* на производство *B*, а затем переходить к менее эффективным, если потребность в дальнейшей замене *A* на *B* будет еще сохраняться. При этом затраты на единицу *B* будут, очевидно, расти по отношению к затратам на единицу *A*: например, от 50 до 60, 70 ... и т. д. единиц потери *A* для получения дополнительных 100 *B*. Но в ходе перестройки неизбежно наступит момент (оптимальная структура продукции), когда акт замены по соответствующей этой структуре производственной норме замещения, например 80 *A* на 100 *B*, уже не сможет повысить уровень благосостояния, точно так же, как и обратная замена 100 *B* на 80 *A*. Это значит, что и 80 *A*, и 100 *B* представляют здесь для общества одинаковую потребительную стоимость, другими словами, соотношение потребительных стоимостей обоих продуктов в точности равно соотношению дифференциальных затрат на их производство. Ни один из этих продуктов не является ни дефицитным, ни избыточным, а производится в общественно необходимых количествах.

Таким образом, дифференциальные затраты оптимального ассортимента образуют такую систему экономических оценок разных продуктов (объективно обусловленных оценок), которая выражает полное соответствие между участием каждого продукта в совокупных затратах общественного труда и его значимостью в балансе общественного потребления. Соотношения же затрат в неоптимальных ассортиментах (например 50 *A* = 100 *B*, 60 *A* = 100 *B*, ... и т. п.) не обладают этим свойством.

Интерпретация понятия общественно необходимых затрат всегда являлась одним из наиболее сложных вопросов экономической теории. Рамки настоящего изложения не позволяют затронуть всех аспектов этой проблемы. Нельзя, однако, не напомнить некоторых принципиальных положений марксизма, касающихся связи между величиной общественно необходимых затрат труда и размерами общественной потребности в продукте. Маркс подчеркивал, что труд, израсходованный на производство излишних количеств товара, не является общественно необходимым, хотя бы его фактические затраты на единицу продукта и не превышали общественно нормальных. «Хотя каждый товар... заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, ...тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную обществен-

* Т. е. в то время как по условиям производства 100 *B* = 50 *A*, для общественного потребления имеет место соотношение 100 *B* > 50 *A*.

ную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество труда, чем то, которое в ней действительно заключается» [1, стр. 194—195]. Он отчетливо показал, что распределение труда между сферами производства в соответствии со структурой общественных потребностей, т. е. с количественной определенностью общественных потребительных стоимостей, есть необходимый способ осуществления закона стоимости.

«...если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью, распределен труд между различными сферами производства... Общественная потребность, т. е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно: что потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости... Эта количественная граница тех частей общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще...» [1, стр. 648—649].

К сожалению, эти важнейшие указания не были оценены по достоинству в нашей экономической литературе. При том повышенном интересе, который проявляется обычно к проблеме, известной как «исчисление стоимости»*, поистине поразительным выглядит пренебрежение к такой ведущей экономической категории социализма, как потребительная стоимость. Широкое распространение получил тезис об абсолютной несоизмеримости потребительных стоимостей, находящийся в явном противоречии как с прямыми указаниями классиков марксизма, так и с практикой социалистического планирования. «В будущем обществе, — писал Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, ... количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» [2, т. 4, стр. 97]. Характеризуя плановую экономику этого общества, Энгельс отмечал: «Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной „стоимости“... взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве представляет собой все, что остается в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость... Научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря „Капиталу“ Маркса» [2, т. 20, стр. 321].

* Весьма знаменательно, что многочисленные предложения по этому вопросу грешат непониманием того, что любые расчеты на основе фактических затрат труда или издержек производства — будь то с редуцией труда или без редуции, с использованием межотраслевого баланса или без него — не могут привести к успеху, если не выяснено, какова должна быть оптимальная структура продукции, т. е. общественно необходимые количества различных продуктов.

Ошибка тезиса о несоизмеримости коренится в одностороннем понимании потребительной стоимости только как способности вещи удовлетворять качественно-определенную потребность. Между тем Маркс рассматривал потребительную стоимость и как соответствие продукта общественной потребности, имеющее не только качественную, но и количественную определенность.

Качественно каждый продукт «полезен по-своему», и в отрыве от конкретного баланса потребления бессмысленно, например, спрашивать: «что полезнее — пища или одежда». Но в рамках этого баланса не только законен, но имеет жизненное значение вопрос: в каком из продуктов потребность насыщена лучше, а в каком — слабее, и стало быть, для которого интенсивнее потребность в добавочных количествах (приращениях)? Эта сравнительная потребность в приращениях (численной мерой которой служат потребительные оценки) и есть основа соизмеримости *общественных* потребительных стоимостей разных продуктов. Не будь этой соизмеримости, любое изменение структуры потребления (в процессе которого общество ведь практически реализует соизмерение потребительных стоимостей, частично заменяя одни продукты другими в определенных пропорциях) было бы бессмысленным и вредным.

Можно ли вообще всерьез говорить о максимальном удовлетворении потребностей как цели социалистического производства, если отрицать возможность сравнения вариантов производственной программы по уровню удовлетворения общественных потребностей, отрицать возможность «взвешивания и сопоставления друг с другом полезных эффектов» различных продуктов? В действительности такое «взвешивание» постоянно осуществляется в практике планирования, хотя, быть может, не всегда в отчетливо осознанной форме. Например, в условиях еще не преодоленного жилищного кризиса было бы преждевременно повышать в составе конечной продукции удельный вес легковых автомобилей, ставших в некоторых странах предметом массового обихода. Для этого нужно привлечь большие капиталовложения, материальные и трудовые ресурсы, которые сейчас целесообразнее использовать для расширения жилищного строительства. В то же время проводится решительное увеличение в структуре выпуска доли химических продуктов, несмотря на крупные добавочные затраты по «преодолению неконвертируемости»*. Бурно растет сейчас производство телевизоров, холодильников, стиральных машин и т. д. при одновременном сдерживании выпуска швейных машин, часов, фотоаппаратов, потребность в которых близка к насыщению.

Совершенно очевидно, что все плановые решения такого рода возможны лишь при условии сопоставления общественной значимости, потребительной ценности тех приращений продукции каждого вида, которые могут быть получены при различных вариантах использования имеющихся производственных ресурсов. Конечно, есть немало случаев и неправильного «взвешивания полезных эффектов», что приводит к растрачиванию ресурсов на выпуск излишних и неходовых изделий при одновременном остром дефиците ряда других продуктов.

Недостаток нашего планирования заключается отнюдь не в том, что такие оценки сравнительной ценности приращений проводятся (без них оно было бы вообще невозможно), а в том, что эти оценки до сих пор носят прикидочный, порою интуитивный характер. Необходимо по возможности приблизить их к тем точным потребительным оценкам, которые сейчас могут лишь предполагаться при теоретическом анализе проблем оптималь-

* Выражающийся, в частности, в неприспособленности существующей специализации строительных организаций и структуры продукции машиностроения к задаче всемерного развертывания химической промышленности.

ного плана. В настоящее время наметились два, по-видимому, взаимодополняющих подхода к этой задаче: разработка норм потребления и анализ поведения потребителей. Научно обоснованные нормы позволяют довольно точно установить действительную ценность ряда продуктов и сопоставить эти данные с фактически предъявляемыми населением запросами. Тем самым открывается возможность корректировать последние, воздействуя на них в нужном направлении. К недостаткам этого метода относится его ограниченная применимость: главным образом к предметам, обеспечивающим непосредственное поддержание жизни (продукты питания, жилье, отопление и т. п.), а также неучет в нормах фактора сравнительной настоятельности (очередности) различных потребностей, делающий непримлемой ориентировку на одинаковый уровень насыщения всех норм.

Анализ поведения потребителей (по данным о структуре бюджетов населения и о продажах различных товаров) привел к установлению ряда закономерностей процесса насыщения потребностей, в том числе связанных с явлением очередности, и дал возможность определить важные количественные соотношения: показатели эластичности потребления, измеряющие относительные приращения общественной потребности в данном продукте как функцию изменения его доступности для потребителей. По-видимому, они и могут быть использованы в необходимых модификациях и при корректировке с помощью норм потребления для получения примерных значений потребительских оценок. Лежащая в основе анализа поведения гипотеза об оптимальности выбора потребителей является достаточно спорной, ибо последние действуют в условиях неполной информации, а их выбор не столько характеризует наилучшую структуру потребления, достижимую при наличных возможностях производства, сколько отражает приспособление к фактической структуре предложения. Все это говорит о целесообразности комбинирования статистического и нормативного подходов для получения близких к реальности потребительских оценок.

В предшествующем изложении вопросы оптимизации ассортимента рассматривались нами применительно к личному потреблению, для которого целевой функцией может быть принят уровень благосостояния, зависящий от продуктов, приобретаемых на доходы потребителей. Возникает вопрос о методах и критериях оптимизации структуры всей конечной продукции. Для решения этой задачи недостаточно анализа бюджетов, эластичности спроса, норм личного потребления и их насыщения. Техника анализа и взаимного согласования таких общесоциальных нужд, как накопление, общественные расходы на просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, культуру и науку, оборону, внешнюю помощь и т. д. должна быть особой. Некоторые авторы считают возможным и желательным не строить какой-либо «функции удовлетворения общесоциальных потребностей» (оставив целевую функцию лишь в сфере личного потребления), а непосредственно задавать расходы на эти нужды в виде так называемой «нагрузки на экономику», т. е. вводить их в ограничения, а не в целевую функцию народнохозяйственного плана. Это, конечно, весьма упрощает задачу практического построения плана, сильно сужая область оптимизирующих решений. Но с точки зрения экономического смысла оптимального планирования перечисленные направления несомненно являются целями, причем альтернативными целями: достижение любой из них может проводиться путем переключения ресурсов с других направлений.

Поскольку необходимость оптимальной структуры существует не только для фонда личного потребления, а и для всех направлений использования продукции общества, то отсюда логически вытекает существование «глобального» критерия оптимальности как некоторой целевой функции

производства, максимум которой соответствует плану, в наилучшей степени удовлетворяющему весь комплекс разнообразных (и «конкурирующих за ресурсы») социальных нужд в его целом. Определить вид такой «функции социальной выгоды» намного труднее, чем для проблемы оптимизации личного потребления, поскольку в ее формировании участвуют весьма специфические качественные факторы (оценка международной обстановки, определение направлений научно-технического прогресса, форм культурного строительства и т. п.). Но поскольку эта функция существует объективно, существует и необходимость ее изучения, какой бы сложной ни представлялась теперь эта задача.

В практике государственного планирования «на высшем уровне», несомненно, более или менее отчетливо руководствуются «взвешиванием» альтернативных социальных нужд по их значимости и настоятельности при распределении между ними бюджетных и материальных ресурсов, ибо это — объективная логика всякого рационального выбора.

Теория оптимизации переводит эту объективную логику на язык четких научных категорий: «целевая функция», «ограничения», «максимизация», «минимизация», «о.о. оценки» и т. д., подготавливая почву для точных количественных измерений, а тем самым, — для наиболее эффективной организации процесса народнохозяйственного планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс. Капитал. Т. III. М., Госполитиздат, 1955.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1955—1965.

Поступила в редакцию
17 IV 1965